

Институты прямой демократии в процессе учреждения основного закона: достоинства формы сквозь призму недостатков на практике (окончание)

А.Н. Пугачев

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, Полоцкий государственный университет, Республика Беларусь

Референдум розглядається як один зі способів установлення конституції. Показано практику його використання в історії держав і країнознавчому аспекті. Вивчається феномен «плебісцитарної демократії» та «бонапартизму» в сучасних умовах. Утверджується думка про те, що абсолютизація інститутів прямого народовладдя неприпустима за рахунок витіснення парламентських установ та інших представницьких форм демократії. Обґрунтовується необхідність участі органів конституційної юстиції в проведенні референдумів з прийняття основного закону.

Ключові слова: конституція, референдум, плебісцит, плебісцитарна демократія, опитування народу, конституційний контроль, парламент, легітимація, електорат.

Референдум рассматривается как один из способов учреждения конституции. Показана практика его использования в истории государств и страноведческом аспекте. Изучается феномен «плебисцитарной демократии» и «бонапартизма» в современных условиях. Проводится мысль о том, что абсолютизация институтов прямого народовластия недопустима за счет вытеснения парламентских учреждений и иных представительных форм демократии. Обосновывается необходимость участия органов конституционной юстиции в проведении референдумов по принятию основного закона.

Ключевые слова: конституция, референдум, плебисцит, плебисцитарная демократия, опрос народа, конституционный контроль, парламент, легитимация, электорат.

The referendum is considered as one of ways of establishment of the constitution. Practice of its use in the history of the states and regional geographic aspect is shown. It is suggested that institutions of direct democracy which are taken to extremes are unacceptable due to the displacement of parliamentary institutions and other forms of representative democracy. The necessity of participation of constitutional justice in holding a referendum on the adoption of the basic law is substantiated.

Keywords: constitution, referendum, plebiscite, people poll, constitutional control, parliament, legitimization, the electorate.

Постановка проблемы

Референдумы и плебисциты издавна считаются наиболее демократичными способами принятия решений по важнейшим общественным и государственным вопросам. Эпоха конституционализма органично восприняла этот институт непосредственной демократии в качестве юри-

дического механизма учреждения основного закона. Однако гипертрофированное восприятие идеи народовластия породило на практике такие явления как «плебисцитарная демократия» и «бонапартизм», ведущие к искажению принципов правового конституционного государства. При всех своих плюсах референдумы и плебисциты

при определенных условиях могут являть извращение демократических идеалов, знаменовать отход от конституционной практики. Поэтому использование референдума для легализации и легитимации основного закона должно иметь достаточные основания и соответствовать иным демократическим процедурам. Важной представляется роль конституционного правосудия и необходимость сотрудничества с парламентом в процессе принятия конституции. Это особенно важно для стран с неустойчивыми демократическими традициями.

Анализ последних исследований и публикаций

Разработка проблемы осуществлялась с учетом новейших исследований в сфере конституционного права и политической науки. К их числу следует отнести работы В. В. Маклакова, Б. С. Эбзеева, А. Н. Медушевского, Г. Дж. Бермана, Х. Г. фон Крокова, В. Е. Чиркина, С. А. Авакьяна, Г. П. Шнайдера, Н. В. Витрука, В. А. Виноградова, С. Э. Несмеяновой, М. Ф. Чудакова.

Не решенные ранее части общей проблемы

Развитие идей демократии и реализация их на практике приводит к совершенно разным результатам в различные исторические эпохи применительно к каждому народу. Появление конституций обострило проблему выбора способа их учреждения. Остроирование и ведущая роль представительных учреждений (парламентов и учредительных собраний) отходят на второй план, а решающее значение обретают институты прямой демократии – референдумы и плебисциты, наиболее полно соответствующие воплощению идеи народовластия. Однако популистское и политически ангажированное использование этих форм зачастую приводит к извращению модели правового конституционного государства, утверждению недемократических режимов. Поэтому столь важно в процессе учреждения основного закона разумное сочетание институтов прямой демократии с развитыми парламентскими формами и

независимой конституционной юстицией в условиях зрелого гражданского общества.

Формулирование целей статьи

Цель публикации – обратить внимание не только на очевидные достоинства принятия конституций через референдумы и плебисциты, но и указать, по каким причинам эти демократические формы могут перерождаться в свои противоположности, легитимируя и консервируя популистские, авторитарные и даже тоталитарные режимы.

Изложение основного материала исследования

После распада Союза Советских Социалистических Республик принятие конституции знаменовало радикальный разрыв со всей предшествующей традицией номинального социалистического конституционализма и его классовой теорией права. Согласно подходу А.Н. Медушевского [1, с. 474] практическое осуществление стратегии социальных и правовых изменений возможно только в двух основных формах – спонтанной и целенаправленной. Их четкие формулы были даны соответственно Руссо и Монтескье в XVIII в., а позднее развёрнуты Марксом и Вебером. Если говорить специально о правовой квалификации этих изменений, то в них различаются модели «конституционной революции и конституционной реформы» (о конституционных реформах, путчах, переворотах и восстаниях прекрасно пишет И. Фэчер [2, с. 426]).

В первом случае (конституционной революции или конституционного переворота) конституция учреждается (изменяется) зачастую неправовым путём, с разрушением буквы, а часто и духа предшествующего права (Албания, Румыния и большинство государств СНГ). Самый яркий пример из Новейшей истории – нацистская Германия, где в 1933 г. имел место конституционный переворот. Гитлер в качестве канцлера разрушил конституционный строй с целью достижения абсолютной власти, хотя формально не отрекался от Веймарской Конституции 1919 года. Существенным

моментом в оформленні нацистського режиму став не заговорницький і не бонапартистський варіант, а майже легальний шлях виходу Гітлера до влади. Після смері президента Гінденбурга на спеціальному референдумі було схвалено рішення уряду об'єднати посади рейхсканцлера і президента, і це рішення отримало силу конституційного закону, т.є. нацисти були обзанчені проблемою своєї легітимації, використовуючи інститути виборів і референдуму. В частині, теоретик нацизму Карл Шмітт свою книгу «Государство, рух, народ» починає саме з уточнення теорії легального входу нацистів до влади. В розділі «Государственный закон в новом контексте» він пише: «Револуція в Німеччині була легітимальною, то єсть формально коректною по відношенню до існуючої конституції. [...] вона легально відбулася з Веймарської Конституції, відповідаючи суті тогочасної системи правління» [3, с. 375]. Але що залишилося від цієї конституції? Легальна практика прийняття конституційних законів на референдумах привела до краху Веймарської республіки при збереженні формальних юридических рамок шляхом поступового зміни політичного режиму.

Во багатьох цьому сприяла, з нашої точки зору, пануюча на той момент в Німеччині позитивістська правова доктрина. Даний феномен (наслідуючої референдумною легітимації), зустрічається во багатьох державах сучасного світу, де відбулися перевороты, має своє теоретическе обґрунтування: право – це завжди діюче право, а будь-який успішний переворот, створюючи нове діюче право, не може бути оцінений виходячи з норм старого права. Таким чином, «успішний переворот (або «револуція») є правовим актом, а неуспішний – антиправовим («мятежом»)» [1, с. 480]. Во всіх цих випадках відбувається формальний і «духовний» розрив правової преемственности нової і старої конституції.

В випадку конституційної реформи перетворення здійснюються право-

вим шляхом, в ідеалі – на основі норм самої конституції, фіксуєть процедури і порядок її можливого зміни (Венгрія, Польща, Чехословаччина). Наприклад, в Іспанії перехід від франкістської диктатури до демократическої правової системи включав кілька етапів і результатом усього перехідного процесу стало прийняття несомненно легітимальної Конституції 1978 р., визнаній однією з найкращих в сучасній Європі. Особливо відзначимо той факт, що розроблена вона була Парламентом (Генеральними Кортесами), а прийнята на референдумі. Своєобразна модель прийняття конституції представлена Францією, де реальний переворот, здійснений Шарлем де Голлем в умовах системного кризи режиму, отримав правове вираження. В кінці кінців після договірних процедур з Національним збором конституція була виснесена на референдум. Отримується, для де Голя спосіб легітимації мав велике значення, юридически конституційна преемственность була збережена.

Прийняття конституції через референдум навіть з дотриманням всіх демократических процедур і юридических правил не знімає з порядку дня очевидну проблему раціональності і ефективності. Якщо згадати історію виникнення перших референдумів і плебісцитів, то легко помічається, що вони проводилися з метою виявлення волі громадян по конкретному питанню або питанням (да/нет). Але коли предметом референдуму виступає такий складніший документ як конституція, виникають очевидні складності. Обсяг, юридическі формулювання, можливість виснесения на референдум альтернативних проектів – все це для більшості виборців створює труднощі. При згадуєть демократії значення такого заходу залишається под великим питанням. Чітко, що виборці не будуть занурюватися в юридическі нюанси документа, віддаючи цьому елементарний політичний вибір (підтримати або ні ініціатора референдуму), як це завжди і відбувається.

На важное обстоятельство обращает внимание С.А. Авакьян [4, с. 378]. Он пишет о том, что если на голосование ставится весь текст целиком, то у избирателя есть возможность проголосовать «за» весь этот текст или «против». Вполне вероятно, что ему не понравится какая-то часть документа, хотя с остальным он согласится. Возникает непростая дилемма: либо он проголосует «за», следовательно, поддержит документ в целом, либо из-за одного положения, которое он не приемлет, проголосует «против» всего документа.

В этом одна из ключевых загвоздок вынесения на референдум проектов конституции. Как отмечалось выше, у граждан может быть недовольство именно в связи с тем, что им предлагают сказать одно общее «да» или «нет» документу многоплановому, разные положения которого вызывают у них неоднозначное восприятие. Но и выносить конституцию на референдум постатейно – полная бессмыслица. Во-первых, граждане попросту не справятся с лавиной вопросов – ведь обычно в конституции более 100 статей (к тому же, многие состоят из нескольких частей, абзацев, пунктов). Во-вторых, как будет смотреться конституция, в которой одни статьи прошли на референдуме, а другие не получили поддержки? Ведь текст любого нормативного акта рассматривается как органичное целое, и разрыв его ткани просто не даст единства документа – даже при положительном голосовании по большинству статей. Возможно, когда речь не идёт о глобальных конституционных изменениях, допустимо выносить на референдум некие ключевые положения, касающиеся тех или иных институтов (смертная казнь, однополые браки, избирательный возраст, членство в иных организациях и т.д.). Но это уже речь об изменениях и поправках, а не о принятии конституции в целом.

Противники референдумов зачастую высказываются в том смысле, что для их проведения нужны огромные организационные усилия и материальные средства. Нам представляется, что если речь не идёт о срочном референдуме, а о планомерной конституционной реформе, то такая про-

блема может быть решена. Например, голосование по проекту конституции можно совместить с иными кампаниями общегосударственного масштаба – парламентскими либо местными выборами, хотя, признаем, у этой версии есть уязвимые места.

Наконец, рассмотрим один из главных аргументов сторонников «против» проведения референдумов по принятию конституции. Как известно, во многих странах референдумы, будучи официально предусмотрены, не проводятся вообще либо крайне редко. Причем речь идет о передовых демократических странах – Германии, Голландии, США, Великобритании. Если Германия в своё время пресытилась гитлеровскими голосованиями и сейчас предпочитает во всём профессиональный подход, то во многих странах изначально придерживались простой логики: для решения серьезных проблем есть парламенты, правительства и президенты, и пусть они делают то, за что им платят деньги. Но уж если без референдума не обойтись, то народу для голосования представляется многократно выверенный проект, прошедший всевозможные экспертизы и общественные оценки. Такой способ принятия конституции придаёт лишь дополнительный демократический «лоск» фактически совершённой действую. Но на то она и демократия, что ничего на 100% не гарантирует. Достаточно вспомнить эпизод, когда во Франции в 1946 г. внешне очень демократический и социальный конституционный проект, принятый Учредительным собранием, через несколько дней был отвергнут избирателями на референдуме.

Попытки принять конституцию на референдуме в обход парламента неоднократно предпринимались и успешно реализовывались в бывших советских республиках. Это общая тенденция для традиционных авторитарных обществ, где пытаются стремительно привить принципы демократии, модернизации и конституционализма. В этих случаях происходит очевидный разрыв с точки зрения стабильности, легитимности и преемственности правового развития.

Конфликт такого рода в наиболее острой

стадии был воспроизведён в России и достиг кульминации в подавлении (в прямом смысле этого слова) президентом Б.Н. Ельциным законодательного корпуса вопреки существующей конституции (Конституция РСФСР 1978 г.) и решению Конституционного Суда. Эта конституционная революция нашла выражение в новом документе, разработанном контролируемой президентом конституционной комиссией и вынесенном указом на всенародный референдум 12 декабря 1993 года. Такая форма легитимации режима позволила впоследствии победившей стороне навязать свою волю побежденным (см. подробно у О.Г. Румянцева [3]). Практика охотно была подхвачена во многих бывших советских республиках (у некоторых из них в настоящее время от республиканизма ничего не осталось, скорее «бонапартизм», «султанизм», «цезаризм»), где постепенно уничтожаются непрочные элементы гражданского общества.

Истории известны эпизоды, когда от референдумов по принятию конституции отказывались по глубоко политическим причинам. Например, в 1948 г. премьер-министры германских федеральных земель на встрече в Кобленце выступили против принятия проекта Основного закона Германии на народном референдуме, мотивируя это тем, что такое голосование придаёт ему вес, присущий окончательной конституции. Лидеры германского государства выступили против идеи союзников о принятии конституции, поскольку такой документ может быть принят только тогда, когда «весь немецкий народ получит возможность конституироваться путём свободного самоопределения». В итоге Основной закон Германии был ратифицирован через ландтаги земель и обрёл негласный статус «временной конституции». Но когда 3 октября 1990 г. национальное воссоединение свершилось в рамках этого закона, было принято решение сохранить его как «общегерманскую конституцию», т. е. в течение сорока лет (особенно в свете огромного массива решений Конституционного Суда ФРГ) этот акт приобрёл характер постоянного доку-

мента. В настоящее время вопрос о германской конституции и референдуме как способе ее легитимации утратил свою актуальность.

Абсурдность голосований в условиях авторитарных режимов и при тоталитаризме очевидна. Приведём пример португальской диктатуры, которая была установлена военным переворотом 1926 г. Характерно, что правительство сосредоточило всю полноту власти парламента, осуществляя законодательную власть «декретами с силой закона». В 1932 г. по поручению президента министр финансов профессор Антонио Салазар представил текст конституции, который по решению Национального политического Совета (это не представительный орган) был вынесен на референдум. Как отмечается, «данный плебисцит поражает оригинальностью даже в ряду других плебисцитов, организованных различными диктаторскими режимами той эпохи. Она состоит в специфической процедуре подсчёта голосов, которая включала в позитивное голосование голоса тех, кто не явился на него, что и объясняет тотальное одобрение конституции» [4, с. 211]. Такую референдумную практику охотно подхватили во многих латиноамериканских странах, а апофеозом стало принятие на референдуме Конституции Чили в 1980 г. при генерале Пиночете.

Как мы убедились, осуществление референдумных процедур при легитимации конституции требует большой осторожности и безусловного соблюдения законности. Поэтому неслучайно в законодательстве многих зарубежных государств предусмотрена возможность участия органов специализированного конституционного контроля в процедуре проведения референдумов и плебисцитов. По подсчётам Г.Г. Арутюняна [5], полномочиями в этой сфере наделены органы конституционного правосудия 31 государства в мире (Австрия, Армения, Венгрия, Греция, Италия, Португалия и др.). Беларусь в этот перечень не входит.

Согласно подходу Н.В. Витрука [6, с. 244] по своей значимости и распростра-

нённости функции конституционных судов можно классифицировать на *основные* и *дополнительные*, и в числе последних учёный указывает *дачу экспертных заключений по конституционным вопросам*, а также *осуществление учредительно-регистрационных актов по вопросам конституционного значения*. Применительно к нашей проблеме указанные полномочия можно рассматривать следующим образом.

Например, функция дачи экспертных заключений по конституционным вопросам реализуется через полномочие конституционного суда по *даче заключения о соответствии выносимого на референдум проекта основного закона* (это могут быть изменения и поправки). С нашей точки зрения, в данном случае должен иметь место обязательный контроль, т. е. он должен осуществляться независимо от того, имеется ли конституционно-правовой спор. Такое решение конституционного суда безусловно императивно. Неконституционный проект уже на стадии проверки должен прекратить своё существование. Так, В.А. Виноградов [7, с. 103] такого рода решения относит к категории конституционно-правовых санкций. Решение конституционного суда необходимо и при контроле (проверке) формулы референдума в том случае, когда на голосование выносится вопрос о способе принятия конституции.

Решение конституционного суда можно признать *учредительно-регистрационным актом* в том случае, когда он утверждает результаты референдума. Наиболее полно из бывших советских республик такое полномочие конституционного суда реализуется в Молдове [8]. Все выносимые на республиканский референдум вопросы предварительно одобряются Конституционным Судом по требованию органа, объявившего референдум, а результаты его (впрочем, как и выборы парламента, президента) подлежат утверждению Конституционным Судом после рассмотрения доклада Республиканской комиссии по проведению референдума.

Если по поводу целесообразности дачи

императивных экспертных заключений вопросов не возникает, то учредительно-регистрационная функция не безупречна. Дело в том, что если в первом случае конституционные суды решают вопросы права, то во втором им необходимо устанавливать фактические обстоятельства дела, а это не свойственно конституционному правосудию. Возможно, наделение конституционных судов рассмотренным полномочием оправдывается общественной и государственной значимостью такого мероприятия, как референдум по принятию конституции.

Своеобразным следует признать опыт Российской Федерации, где по действующему законодательству у Конституционного Суда имеются определённые полномочия по осуществлению референдума. Смысл их в том, что согласно ст. 23 Закона «О референдуме Российской Федерации» от 28 июня 2004 г. президент не позднее чем через 10 дней со дня поступления документов, на основании которых назначается референдум, должен направить их в Конституционный Суд с запросом о соответствии Конституции РФ инициативы проведения референдума по предложенному вопросу. Суд рассматривает данное обращение, принимает по нему решение и направляет его президенту. В случае, если референдумная инициатива признана не соответствующей Конституции РФ, то процедура по её реализации прекращается с момента вступления в силу заключения Конституционного Суда. Напомним также, что на референдум в России в обязательном порядке выносится вопрос о принятии новой Конституции РФ, если Конституционное Собрание принимает решение о её вынесении на всенародное голосование. В Российской Федерации наработана, обобщена и проанализирована практика Конституционного Суда, имеющая отношение к референдумам (см., например, Л.В. Лазарева [9, с. 483-488] и С.Э. Несмеянову [10, с. 280-311]).

Однако законодательное регулирование «референдумного дела» в Российской Федерации нельзя признать оптимальным. Дело в том, что после появления в

1995 г. Закона «О референдуме Российской Федерации» (с соответствующим новым полномочием Конституционного Суда) Федеральное Собрание не внесло необходимого дополнения в Федеральный конституционный Закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» об особенностях производства дел данной категории. Указанное полномочие также не включено в перечень полномочий Конституционного Суда, предусмотренный ст. 3 закона, а это противоречит прямому указанию ч. 2 ст. 3 закона. Поэтому совершенно прав Н.В. Витрук [6, с. 458], когда предлагает ввести в закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» специальную главу, посвящённую особенностям производства в Конституционном Суде по данной категории дел с определением оснований запроса и пределов проверки соответствия Конституции РФ инициативы проведения всероссийского референдума по предложенному вопросу (вопросам) референдума.

Солитарную позицию занимает О.В. Брежнев [11, с. 12]. По его мнению, практика установления новых полномочий Конституционного Суда отдельными тематическими федеральными конституционными законами без внесения дополнений в соответствующий специальный закон себя не оправдывает, поскольку порождает много процессуальной неопределённости и противоречий, которые способны существенно затруднить реализацию компетенции Конституционного Суда. Правда, как подчёркивает учёный, процедура реализации инициативы проведения референдума, предусмотренная Федеральным конституционным законом «О референдуме Российской Федерации» от 28 июня 2004 г., настолько сложна, что есть все основания полагать, что проверка соответствия Конституции инициативы проведения референдума в том виде, в каком она предусмотрена ст. 23 вышеупомянутого закона, надолго останется «спящим» полномочием Конституционного Суда, не востребованным практически.

Дискуссионным является вопрос о том, вправе ли конституционный суд в порядке

нормоконтроля рассмотреть нормативный правовой акт, принятый через референдум (это, например, может быть закон об изменениях и дополнениях в конституцию, по сути подразумевающих принятие её в новой редакции). Неоднозначность ситуации нам видится в следующем.

Если говорить о Беларуси, то следует помнить о законодательной дефиниции ст. 2 закона «О нормативных правовых актах Республики Беларусь». «Решение референдума – нормативный правовой акт, направленный на урегулирование важнейших вопросов государственной и общественной жизни, принятый республиканским или местным референдумом». Может ли разновидностью такого решения выступать закон о концептуальных изменениях и дополнениях в конституцию?

Следует дать утвердительный ответ, но в данном случае это предполагает возможность его проверки со стороны Конституционного Суда. Однако, в технико-юридическом смысле, «решение референдума» обозначено как самостоятельная разновидность нормативного правового акта, а такой вид акта в сферу конституционной юрисдикции (ст. 116 Основного закона Беларуси) формально не входит. Указанная «неопределённость» не что иное, как «дефект правового регулирования» [12, с. 11], который не преодолён по сей день.

В контексте рассматриваемой проблемы учтём позицию В.Д. Зорькина, высказанную в связи с дискуссией о противоречии между принципами демократии и принципом судебного контроля конституционности: «...Строго говоря, данная компетенция Суда должна касаться и акта, принятого на референдуме, и тогда Конституционный Суд может быть вынужден принимать решение, отвергающее непосредственное волеизъявление населения» [13, с. 150]. Действительно, ситуация неоднозначна (хотя в практике Конституционного Суда РФ таких дел не было). Выход один – недопущение на референдум на стадии превентивного контроля неконституционных формул и проектов.

С учетом сказанного не вызывает сомнений, что вопрос о принятии или одобрении конституции через референдум является спорным и неоднозначным. В одних ситуациях – это олицетворение идеи народовластия как фундамента демократического режима, в других – её имитация с самыми печальными последствиями (кризис, диктатура, гражданская война). Как пишет М.Ф. Чудаков, «нельзя ни абсолютизировать референдум как некую сверхидеальную форму представительной (здесь ошибка – **А.П.**) демократии, ни изображать его одной только чёрной краской. [...] ... в ряде случаев [такой] референдум призван затушевать тоталитарные черты того или иного государства» [14, с. 160]. Референдум, как и любой институт из демократического арсенала, всего лишь один из имеющихся инструментов, и обратиться его можно как во благо, так и во зло.

Выводы

Идея народовластия предполагает выработку оптимальных форм и механизмов ее воплощения на практике. К несомненным достоинствам демократического устройства относят такие способы принятия решений, которые в наибольшей степени отражают политическую волю гражданского социума. Античная Греция и Республиканский Рим, средневековые города-государства привнесли в политический обиход плебисциты и референдумы, вече и петиции – столь важные демократические институты.

Конституционализация национально-правового порядка обозначила проблему оптимального способа легализации и легитимации основного закона. Поэтому не случайно наиболее демократический институт прямой демократии – референдум – оказался столь востребованным в условиях построения правовой государственности. Однако использование его при учреждении конституции не явилось панацеей от недемократических проявлений. Более того, в ряде случаев это оборачивалось возникновением так называемых плебисцитарных демократий и бонапартистских режимов. Тем самым демократические ценности под лозунгами ратования о народовластии оборачивались популистскими и авторитарными формами.

Обнаруживается интересная закономерность, согласно которой западные демократии (Швейцария здесь – исключение) все реже обращаются или вовсе отказываются от проведения референдумов, а в странах со слабыми демократическими традициями референдумы и плебисциты составляют важнейший компонент идеологии и политической практики. Абсолютизация концепции народовластия неизменно оборачивается извращением демократических ценностей, а принятие конституции через референдум (минуя иные институты правового государства) придает дополнительный антураж легальности и легитимности происходящему, способствует укреплению и распространению популистско-авторитарных режимов.

Литература

1. Медушевский А. Н. Теория конституционных циклов / А. Н. Медушевский ; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. – М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005. – 574 с.
2. Моссе Дж. Нацизм и культура. Идеология и культура национал-социализма / Дж. Моссе / Пер с англ. Ю. Д. Чупрова. – М. : ЗАО Центрополиграф, 2010. – 446 с.
3. Румянцев О. Г. Конституция Девяносто третьего. История явления. (Документальная поэма в семи частях от Ответственного секретаря Конституционной комиссии 1990-1993 годов.) / О. Г. Румянцев. – Издание второе, исправленное. – М. : ЗАО «Библиотечка РГ», 2013. – 336 с.
4. Авакьян С. А. Конституционное право России : Учебный курс / С. А. Авакьян. – В 2 т. Т. 1 – М. : Юристъ, 2005. – 719 с.
5. Арутюнян Г. Г. Конституционный Суд в системе государственной власти (сравнительный анализ) / Г. Г. Арутюнян. – Ереван, 1999. – 238 с.
6. Витрук Н. В. Конституционное правосудие. Судебно-конституционное право и процесс : учебное пособие / Н. В. Витрук. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юристъ, 2005. – 527 с.

7. *Виноградов В. А.* Понятие и особенности конституционно-правовой ответственности : проблемы России, опыт зарубежных стран / А. В. Виноградов. – М. : Институт права и публичной политики, 2003. – 117 с.

8. *Барбалат П. А.* Конституционный Суд Республики Молдова / П. А. Барбалат // Конституционное правосудие : Вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. – Ереван, 1999. – Вып. 2. – С. 53-65.

9. *Лазарев Л. В.* Правовые позиции Конституционного Суда России / Л. В. Лазарев. – М. : ОАО Издательский дом «Городец» ; «Формула права», 2003. – 528 с.

10. *Несмеянова С. Э.* Судебная практика Конституционного Суда РФ с комментариями / С. Э. Несмеянова. – М. : ТК Велби, Изд-во «Проспект», 2007. – 480 с.

11. *Брежнев О. В.* Судебный конституционный контроль при реализации инициативы проведения референдума в Российской Федерации и его назначении : проблемы правового регулирования / О. В. Брежнев // Государство и право. – 2010. – № 3. – С. 5-12.

12. *Власенко Н. А.* Неопределенность в праве : понятие и формы / Н. А. Власенко, Т. Н. Назаренко // Государство и право. – 2007. – № 6. – С. 5-12.

13. *Зорькин В. Д.* Современный мир, право и Конституция / В. Д. Зорькин. – М. : Норма, 2010. – 544 с.

14. *Чудаков М. Ф.* Конституционное (государственное) право зарубежных стран : Учебное пособие / М. Ф. Чудаков. – Минск, ООО «Новое знание», 2001. – 576 с.